

Введение

Конец XV — начало XVII вв., время правления династии Тюдоров, часто представляется «золотым веком» в истории Англии. Его и впрямь можно было бы счесть таковым, но только если сопоставить тюдоровский период с тем, что ему предшествовало и следовало за ним: Войнами Алой и Белой Розы, а также эпохой Гражданской войны. Тюдоровская эпоха была не вполне мирной, но английская земля в это время не знала кровопролитных сражений.

Тем не менее это время было сложным и изобиловало конфликтами, принесенными в Англию Реформацией. XVI столетие стало свидетелем исчезновения старого мира с его единой религиозной традицией и общей церковью. Мучительно рождался новый мир, в котором разнообразие — а значит, конфликт, враждебность, но одновременно и проявление терпимости — стало обычным явлением. Пройденный страной путь оказался болезненным и исполненным разрывов, хотя все же не столь травматичным, какой была Реформация в других странах Европы, например во Франции, Нидерландах и Священной Римской империи, переживших десятилетия религиозных войн.

Книга посвящена истории Реформации в Лондоне, городе, наиболее открытом новым идеям и веяниям.

При этом в центре повествования находятся не идеи богословов и политические решения, но их влияние на жизнь горожан, в большинстве своем не стремившихся к переменам, но оказавшихся в самой их гуще. Их опыт жизни в эпоху Реформации, вынудившей их искать свое место в стремительно меняющемся мире, я и постаралась отразить.

«Старый порядок»

В начале XVI века, как и в предыдущие столетия, жизнь лондонцев была связана с церковью тысячью невидимых, но прочных нитей. В церкви они находили выражение своему религиозному чувству. Она же сопровождала их по жизни, от рождения до смерти, и все сколько-нибудь значимые моменты этого процесса отмечались церковными обрядами. Церковный колокол отмерял время, а праздники указывали на смену времен года, а также возвещали наступление новой судебной сессии — время вершить земные дела. Все лондонцы одновременно являлись членами одной общины верующих — христиан-католиков и одного политического сообщества, подпадавшего под юрисдикцию глав городского совета.

Главным центром жизни лондонцев — и религиозной, и светской, — был их приход и церковь. Шпили приходских церквей окружали лондонцев в их повседневной жизни. Всего в начале XVI века церквей в Лондоне насчитывалось 113 — включая домовые церкви, но исключая монастырские и капеллы госпиталей и странноприимных домов. Именно в них фактически начиналась жизнь каждого лондонца — ведь новорожденного стремились окрестить как можно скорее, учитывая высокий уровень младенческой смертности. Крещение делало ребенка христианином и одновременно включало его в приходское

сообщество собратьев-христиан, вместе с которыми ему надлежало вести земные дела и заботиться о спасении души, помогать бедным и увечным, а также молиться за живых и умерших. Христианское сообщество охватывает всех христиан, когда-либо живших; так и для лондонцев со-прихожанами были не только те, кто сидел в церкви на соседних скамьях, но и те давно умершие поколения, чьи имена хранились в приходских свитках и поминались несколько раз в год, а иногда и чаще — если речь шла о благотворителях прихода.

Религиозный опыт лондонцев, безусловно, различался, но главным и определяющим его событием оставалась литургия — месса и причастие. В причастии лондонцы, как и все их собратья, соединялись с Христом и всеми единоверцами.

В каждой церкви месса служилась по воскресеньям на главном алтаре; кроме того, в церковных приделах ежедневно проходили поминальные мессы, а также особые мессы на рассвете, на которых могли присутствовать все те, кому из-за работы приходилось вставать на заре. Присутствие на воскресной мессе считалось обязательным; кроме того, благочестивые лондонцы старались прийти в церковь на раннюю мессу и в течение недели.

Месса начиналась с освящения соли и воды, которыми затем в ходе торжественной процессии благословлялись прихожане. Затем священник от имени всех собравшихся исповедовал грехи и молил Бога простить их, а затем читал тексты из Священного писания. Затем он обращался к пастве с призывом молиться за короля, друг друга и души умерших христиан.

После этого наступала самая торжественная часть мессы. Священник готовил евхаристические хлеб и вино и читал над ними посвятительные молитвы.

В это время звонил церковный колокол. Его звук призван был помочь не знавшим латыни прихожанам понять, что близится кульминация — момент таинства, превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Господни. После завершения посвячительных молитв священник поднимал гостию в дарохранительнице, а потом и чашу с вином, высоко над головой, так, чтобы все видели Тело и Кровь Христовы. Прихожане в это время преклоняли колени. Многие англичане верили, что если увидеть вознесение гостии, то в тот день человеку не грозит внезапная смерть. Неудивительно поэтому, что лондонцы, ежедневно сталкивавшиеся с многочисленными угрозами, свойственными жизни большого города, стремились прийти на мессу хотя бы рано утром.

Затем священник целовал дарохранительницу, потир с вином, а также 'рах' — освященный круглый диск с изображением распятия или Агнца Божия. Вслед за священником 'рах' целовали и все прихожане. Этот поцелуй символизировал мир и любовь внутри общины верующих, отсюда и его название, происходящее от латинского 'рах', что означает «мир». Потом священник читал «Отче наш» и причащался хлебом и вином. Затем он благословлял прихожан и завершал мессу. Среди прихожан распределяли освященный хлеб — его по очереди пекли в каждом доме прихода.

Миряне причащались под одним видом (то есть только хлебом) и, как правило, раз в год — на Пасху. Перед этим на Страстной неделе они исповедовались и должны были примириться со всеми, с кем ссорились в течение года. Причащение именовалось «осуществлением своих прав» — то есть прав занять причитающееся каждому место в кругу братьев-христиан и в числе прихожан. А недопущение к причастию считалось позором. Вместе с тем идти к причастию, не примирившись с теми, кому были

нанесены обиды, почиталось неправильным; более того, обиженные порой могли воспрепятствовать совершению святотатства. Так, в архивах церковного суда сохранилась история о том, как на Пасху 1529 г. прихожанка церкви Сент-Мэри Квинсхит (Св. Марии в Квинсхите) Джоанна Карпентер за руку оттащила некую Маргарет Чамбер, которая уже было преклонила колени перед священником, готовясь принять причастие, в сторону и потребовала от нее сначала примириться с ней, попросив прощения за нанесенную ранее обиду, а уже потом причащаться.

Богослужение велось на латыни, которую большинство лондонцев не понимало. Однако священникам предписывалось время от времени (хотя бы несколько раз в год) разъяснять прихожанам смысл всех частей литургии. Прихожане также должны были знать и основные молитвы — «Отче наш» и «Верую» — и уметь произнести их как на латыни, так и на английском языке. Те из прихожан, кто умел читать, приносили с собой на службу молитвословы — рукописные, а позднее и печатные. В них содержался текст всего богослужения на латыни, а на полях зачастую присутствовали рубрики на английском. По свидетельству итальянского путешественника, посетившего Лондон в 1500 г., многие лондонцы приносили с собой в церковь молитвословы, которые и читали во время службы, а также молились, перебирая четки. Кроме того, молитвословы содержали и текст молитв, которые миряне могли произносить про себя, пока священник молился у алтаря. Именно поэтому и звучал колокол во время посвящения — он призывал прихожан оторваться от своих книг, поднять головы и узреть Тело Христово.

Проповеди в церкви звучали реже, хотя в большинстве лондонских храмов к началу XVI века уже появились кафедры для проповедников. Церковные

каноны предписывали священникам проповедовать четыре раза в год, однако это правило не соблюдалось повсеместно. Впрочем, Лондон в этом отношении имел преимущество — столица притягивала лучших проповедников, как из числа приходских священников, так и монахов. Главной проповеднической кафедрой города, да и страны, была кафедра, возведенная у креста во дворе собора Св. Павла. Такие кресты ставили в церковных дворах; рядом с ними проповедовали, а также и возвещали обо всех важных для прихода и местной общины делах.

Лондонцы с размахом праздновали церковные праздники, которые были для них не только способом выразить свои религиозные чувства, но и продемонстрировать — и на деле почувствовать единство приходской общины. А сопровождавшие праздники обряды порой не имели ничего общего с христианскими и восходили еще к языческим временам, однако духовенство в большинстве своем относилось к ним терпимо, воспринимая их как допустимые развлечения. Так, например, в Лондоне с размахом праздновался день невинноубиенных (28 декабря), являвшийся воспоминанием об избииении младенцев царем Иродом. Вокруг собора Св. Павла двигались шумные процессии во главе с мальчиком, облаченным в одеяние епископа. Праздник напоминал верующим о том, что христиане должны стать как дети, то есть смиренными и чистыми душой, для того чтобы войти в царство Божие. Но, кроме того, праздничная процессия, в которой все иерархии оказывались словно бы перевернутыми — власть давалась детям, то есть слабым и подчиненным, — позволяла дать выход скопившейся за год социальной напряженности, выпустить пар, чреватый опасными конфликтами.

Двенадцать дней между Рождеством и Крещением (25 декабря — 6 января) вообще праздновались

бурно. В эти дни никто не должен был работать, поскольку они были отданы радости, в том числе и вполне земной. Дома украшались ветками и венками из листьев падуба, плюща и омелы. Молодым парам, оказавшимся под веткой омелы, позволялось поцеловаться. Этот обычай уходил корнями в седую древность, к языческим временам. Устраивались рождественские пиры, которые должны были объединять всех: богатых и бедных, господ и слуг. Мэр Лондона и оба городских шерифа избирали на пирах глав рождественских увеселений, чья власть должна была продлиться вплоть до Сретения. На улицах, под окнами домов, звучали рождественские гимны, исполнявшиеся певцом и хором (они же обычно и танцевали). Певцов полагалось оделить угощением. На само Рождество в приходах устраивали театральные представления. Актеры, которыми были сами прихожане, разыгрывали на подмостках события евангельской истории рождения Иисуса. Устраивались и вполне светские развлечения, танцы, маскарады и пантомимы.

2 февраля праздновалось Сретение. В этот день лондонцы собирались в приходских церквях; с зажженными свечами в руках они обходили процессией вокруг храмов, а после церемонии уносили свечи домой. Считалось, что эти свечи в течение всего года защищали христиан от злых сил. Их зажигали, чтобы успокоить страхи и прогнать бесов — в сильную грозу, а также если серьезно заболел кто-то из домоладцев. Свечи вкладывали в руку умирающего, чтобы облегчить расставание души и тела.

Во вторник перед началом Великого поста (обычно приходившийся на март или апрель) в Англии, как и по всей Европе, разыгрывались битвы карнавала и поста, плоти и аскетизма. В Англии это был последний день перед постом, когда можно было есть яйца

и масло, поэтому именно тогда хозяйки пекли блины. На следующий день, в пепельную среду, начинался Великий пост. Все прихожане являлись на службу, где читался покаянный канон. По окончании литургии священник благословлял прихожан, рисуя на их лбах золой знак креста — символ покаяния и смирения плоти. Крест не полагалось смывать до захода солнца. Так начинался Великий пост.

Его завершение было кульминацией церковного года. На Вербное воскресенье во всех приходах города проводились торжественные процессии. Во время литургии, сразу после чтения Евангелия, священник благословлял символизировавшие пальмовые листья ветви тиса и вербы и раздавал милостыню приходским беднякам. Затем все прихожане, следуя за священником и хором, обходили крестным ходом храм; перед процессией несли мощи святых, обычно находившиеся в церкви, гостию в дароносице и большой крест. Процессии встречал хор; его участники изображали ветхозаветных пророков. Они приветствовали прихожан гимнами, возвещавшими приход Христа. Некоторые приходы устраивали целые театрализованные представления. Например, из сохранившихся расходных книг церкви Сент-Мэри ап-Хилл (Св. Марии-на-холме) за начало XVI века мы узнаем, что у северного портала храма ежегодно на Вербное воскресенье устраивалась мистерия: приходская процессия приближалась к специально возведенным подмосткам, где ветхозаветные пророки возвещали о явлении Христа. Счета сообщают нам, что в 1525 г. подмостки пришли в негодность и их пришлось чинить, а в 1531 г. прихожане потратились на аренду костюмов (видимо, у настоящих актеров), а также на накладные бороды, полагавшиеся «пророкам».

После представления процессия возвращалась в церковь, где все преклоняли колени перед большим

распятием. После мессы священник благословлял самодельные кресты, изготовленные прихожанами из палочек и веревок прямо во время службы: считалось, что они защищают их обладателей от зла и болезней.

За Вербным воскресеньем следовала Страстная неделя. В это время все лондонцы исповедовались и готовились к причастию. В Чистый четверг церкви тщательно очищали, а также убирали все украшения. На следующий день, в Страстную пятницу, в церкви ставили большое распятие, и все прихожане и священник, босоногие в знак покаяния, опускались на колени и ползли к кресту, чтобы приложиться к нему. Затем происходили «похороны Христа»: освященную накануне гостию в особой дарохранительнице и крест помещали в расположенную у северной стены храма «гробницу», обычно представлявшую собой деревянный (или каменный) ящик, покрытый искусно расшитой пеленой. Вокруг «гробницы» ставили свечи, и вплоть до пасхального утра рядом с ней несли бдение прихожане.

Вся неделя после Пасхи была заполнена праздниками, причем вполне мирского свойства. В понедельник и вторник юноши и девушки попеременно брали в плен представителей противоположного пола, связывали их и отпускали только после уплаты небольшого выкупа. Священники порой ворчали по поводу подобных игр, однако находили и положительные стороны: например, в уже упоминавшемся приходе Св. Марии-на-холме собранные таким способом деньги шли на нужды церкви.

На Темзе разыгрывались «водяные бои». По сообщению лондонского историка Джона Стоу, существовал обычай вбивать в речное дно высокую сваю, к которой подвешивали щит. Молодые люди спускались к ней в лодках без весел, подчинявшихся силе

течения. Их задачей было ударить копьем в щит и при этом устоять на ногах и не упасть в воду. Незадачливых «бойцов» вылавливали из реки их товарищи, сопровождавшие их в других лодках. Устраивали и «турниры», когда два юноши пытались столкнуть друг друга в воду палками. По словам Стоу, они обычно заканчивались тем, что оба участника падали в реку.

Пышными процессиями — приходскими и общегородскими — праздновал Лондон и другие праздники — день Троицы, Тела Христова и молебствия недели перед Вознесением. В конце XV века к английскому церковному календарю прибавились праздники Преображения (6 августа) и Св. Имени Иисуса (7 августа), и, как свидетельствуют сохранившиеся служебники XVI века, принадлежавшие лондонским церквям, приходы озаботились приобретением текстов новых литургий и молебствий, составленных специально для этих дней.

Все летние праздники сопровождалась процессиями, а также и развлечениями приходской молодежи на свежем воздухе, порой не слишком упорядоченными и благопристойными. Молодые англичане танцевали, стреляли из лука, мерялись силой и, конечно же, играли в футбол.

Осенние праздники были связаны с благословением собранного урожая. А день Св. Михаила Архангела (29 сентября) означал время сбора рент и прочих платежей, а также начало очередной судебной сессии. 1 ноября праздновали день Всех святых, а 2 ноября — День всех душ, т. е. день поминовения усопших.

Мирские увеселения англичан, восходившие еще к языческим временам, также были связаны с церковью. Так, празднование Майского дня (1 мая), имевшее своими корнями ритуалы культа плодородия, стало символом единения приходских общин

и городского сообщества. Джон Стоу писал, что в этот день лондонцы всех сословий собирались во дворе своей приходской церкви, а порой объединялось несколько небольших приходов. Они воздвигали там майский шест и развлекались весь день танцами, стрельбой из лука и т. п. В тот же день в приходе избирали майского короля и королеву из числа местной молодежи. Во второй половине дня устраивали костюмированные шествия и пантомимы, а вечером — фейерверки.

Главный майский шест города, торжественно воздвигавшийся главами городской общины, высылся на Корнхилле, перед церковью Св. Андрея, получившей от него свое название (Сент-Эндрю Андершафт, Св. Андрея-под-шестом). Однако в царствование Генриха VIII (1509–1547) эта традиция была прервана. Это было связано со случившимися в городе беспорядками. 1 мая 1517 г. большие группы лондонских подмастерьев, подстрекаемые речами некоторых проповедников (в частности, некоего Белла, произнесшего на пасхальной неделе проповедь против живших в Лондоне иностранцев), разгромили и разграбили дома иностранных купцов и ремесленников, проживавших в городе. Сил шерифов (одним из помощников которых тогда был знаменитый гуманист Томас Мор) не хватило для подавления бунта, и по приказу разгневанного короля на следующий день в город вошли отряды герцога Норфолка и его сына, графа Сарри. Беспорядки были подавлены, а зачинщики — или те, кого таковыми сочли, — и большая, до 400 человек, группа участников, были схвачены. На следующий день 13 зачинщиков были повешены по приказу короля, а остальных Генрих VIII помиловал после того, как его супруга, Екатерина Арагонская, преклонив колени и со слезами на глазах, вымолила у мужа жизни юных бунтовщиков. Дарование

королевского прощения было обставлено в виде торжественной и устрашающей церемонии. Генрих VIII восседал в большом зале Вестминстерского дворца. Туда привели арестованных бунтовщиков, в саванах и с петлями на шеях. Они, а также присутствовавшие там и в окрестностях дворца лондонцы (их собралось до полутора тысяч человек) пали на колени и просили о милосердии. В ответ на изъявление покорности Генрих VIII соизволил даровать свое королевское помилование. Однако лондонцы знали о вмешательстве Екатерины. Годы спустя жены и матери незадачливых бунтовщиков проявят свою благодарность королеве в бурные годы Реформации.

После майского бунта городские власти не решались больше воздвигать большой шест, оказавшийся в 1517 г. невольным символом объединения городских подмастерьев. Он так и остался лежать во дворе церкви Св. Андрея-под-шестом, до тех пор пока и его не смела буря религиозного конфликта.

Приходская церковь была центром, вокруг которого объединялась община, средоточием ее мира. Прихожане не ощущали отчужденность церкви; она была своей во многих смыслах, в том числе и в самом прямом. Лондонцы вкладывали значительные средства в перестройку, ремонт и украшение своих церквей. Конечно, в этом проявлялось их стремление заслужить добрыми делами скорейшее освобождение души из мук чистилища после смерти и приобщение райскому блаженству. Однако немалую роль играло и желание обустроить свой мир — приход, причем в соответствии с собственными представлениями о красоте и порядке. Благотворительность подразумевала не только жертвование денег церкви, но во многом и распоряжение ими. Миряне в начале XVI века обладали значительными возможностями контроля по отношению к своему приходу.

А к лондонцам это относилось в первую очередь. Ведь в их числе были богатейшие купцы страны, располагавшиеся значительными средствами. Часть этих средств тратилась на благотворительные нужды при их жизни; кроме того, согласно традиции, $\frac{2}{3}$ имущества завещатели обычно оставляли жене, детям и родственникам, а $\frac{1}{3}$ должна была идти на помин души завещателя, то есть на различные благотворительные проекты. Перестройка или ремонт церквей были одним из приоритетов.

Большинство лондонских приходских церквей было построено еще в XI–XII веках, а позднее, в XIV–XV веках, подверглось существенной перестройке в соответствии с изменившимися архитектурными вкусами паствы. В XVI веке строительство продолжалось. На рубеже XV–XVI веков была перестроена в готическом стиле церковь Сент-Мэри (Св. Марии) в Ламбете. В 1486–1523 гг. на средства состоятельных прихожан перестраивалась церковь Сент-Маргарет (Св. Маргариты) в Вестминстере. Примерно в тот же период — 1494–1516 гг. — перестроили и церковь Олл Хэллоус (Всех Святых) на Ломбард-стрит. В 1509 г. к церкви Сент-Бартоломью (Св. Варфоломея) у Менял (Бартоломью-лейн) пристроили южную капеллу на средства сэра Уильяма Кэйпела, торговца сукном и бывшего (1503 г.) лорда-мэра. Другой лорд-мэр (1510), сэр Генри Кибл, потратил значительные средства на перестройку церкви Сент-Мэри Олдемэри (Св. Марии древней) и завещал 1000 фунтов на те же цели. Благодаря его вкладу строительство было завершено в 1518 г.

Два других представителя лондонской элиты, шериф, сэр Уильям Фицуильям, и бывший лорд-мэр (1509 г.), сэр Стивен Дженинс (1450–1523), пожертвовали деньги на перестройку церкви Св. Андрея-под-шестом.

К 1519 г. была закончена перестройка церкви Сент-Ведаст (Св. Ведаста) на Фостер-лейн. В церкви Олл Хэллоус (Всех Святых) у Стены в 1528–1529 гг. появился новый придел. Кроме того, в первой половине XVI в. были перестроены церкви Сент-Питер (Св. Петра) в Вестчипе и Сент-Джайлс (Св. Эгидия) у ворот Криплгейт.

Конечно, далеко не все в Лондоне располагали такими средствами. Однако практически каждый был в состоянии внести свою небольшую лепту. К сожалению, небольшие вклады легко ускользают от внимания историка, поскольку сохранившиеся источники — это чаще всего завещания. А их обычно составляли те, кому было что завещать. Кроме того, не учитываются прижизненные вклады и дарения.

Однако сохранившиеся расходные книги приходов помогают отчасти восполнить этот досадный пробел. Так, в уже упоминавшейся книге из церкви Св. Марии-на-холме, говорится, что в 1497 г. на средства прихожан в церкви был проведен ремонт, а также отреставрированы все изображения святых (статуи и фрески). В 1513 г. в церкви появилась новая ризница. Спустя два года прихожанки собрали 9 фунтов 10 шиллингов и на эти деньги заказали новый алтарный покров. Мы даже знаем, что покров был из красной и белой ткани и расшит золотой нитью. В 1527–1528 гг. прихожане заплатили за починку алтарного распятия, а также большого креста, выносившегося в приходских процессиях. Были заново раскрашены статуи святых покровителей прихода, а слегка облупившиеся подсвечники получили новый слой позолоты.

Средства на ремонт собирались как при помощи своего рода «налога» на прихожан, так и на их добровольные пожертвования. Они указывают на то, что для лондонцев XVI века церкви были домом Христа и, соответственно, их домом тоже.

Единение во Христе предполагало не только «присвоение» церкви, но и братскую любовь и взаимопомощь, связывавшую прихожан: богатых и бедных, живых и мертвых. Живые должны были молиться друг за друга и за души умерших собратьев, имена которых как минимум раз в год, в день Всех Душ, вспоминал священник, обращаясь к приходским книгам. Ведь они содержали не только перечень расходов — свидетельство благочестия здравствовавших прихожан, — но и имена покойников. Те, в свою очередь, произносили молитвы за живых, пребывая в чистилище.

Помощь бедным прихожанам со стороны их более удачливых собратьев имела две стороны. Она была проявлением христианской любви к ближнему, но имела и «корыстный» мотив: облагодетельствованные бедняки должны были в ответ проявить свою любовь молитвой за душу благодетеля. Порой в завещаниях весьма детально указывается, как именно следует потратить деньги на бедных, когда и как должны читаться молитвы.

Богатый торговец рыбой из прихода Св. Марии-на-холме, Джон Мэнджэм, в 1514 г. завещал похоронить себя в церкви, у северной стены, под окном с витражом «Семь добрых дел». Оправдывая подобные претензии, Мэнджем также распорядился, чтобы бедным прихожанам было роздано 20 шиллингов. Кроме этого, он пожелал раздать еще 40 шиллингов бедным непосредственно в день похорон, пошить для них одежду (на что выделялось еще 40 шиллингов), и оставить средства для того, чтобы заплатить за содержание 12 бедных заключенных в лондонских тюрьмах — Маршалси, Ньюгейте, Ладгейте и тюрьме Суда Королевской Скамьи. В тюрьмах XVI века заключенные сами должны были платить за свое содержание (то есть за еду, постель и прочие хотя

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru